

НОВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ИДЕОКРАТИЯ И РОССИЯ

А.В. Лукин

В конце XX – начале XXI века мир вступил в полосу новых международных конфликтов и военных акций, уносящих жизни многих людей и дестабилизирующих ситуацию в целых регионах. По своему характеру они принципиально отличаются от конфликтов периода «холодной войны» и имеют общую основу. В период «холодной войны» локальные вооруженные конфликты, вызванные, например, территориальными спорами между небольшими государствами, или внутренняя дестабилизация, ставшая следствием переворота или гражданской войны, часто вели к вмешательству двух основных лагерей мировой политики, возглавляемыми США и СССР. Это вмешательство, с одной стороны, усугубляло ситуацию, но, с другой, проводилось в рамках определенных правил. Так, например, между двумя основными лагерями возможна была договоренность на основе применения принципа «сфер влияния», как это было в Венгрии в 1956 г. или Чехословакии 1968 г., относившихся к признанной Западом советской сфере влияния, либо во Франции в 1968, в Гренаде в 1983 или в Панаме в 1989 г., входивших в сферу влияния США. Эта линия в основном продолжала идеи разделения мира на сферы влияния, закрепленные в Ялтинском соглашении.

Затяжные войны происходили в основном на буферной территории, которая не относилась к сфере влияния одного и центров и являлась территорией геополитического соперничества. Но и в этом случае иногда были возможны попытки мирного урегулирования, основанного на давлении союзников на своих клиентов, неудачные (Вьетнам) или удачные (Корея). Хотя с обеих сторон

эти конфликты имели серьезную идеологическую основу, а именно, борьбу советской идеологии коммунизма и западной идеологии «демократизма», конечной целью которых было распространение идеальной общественной системы на весь мир, их также можно было рассматривать с точки зрения внешнеполитического реализма: теорий борьбы за сферы влияния и баланса сил.

После распада СССР ситуация принципиально изменилась. С исчезновением СССР умерла и советская идеология. Россия больше не рассматривала мир как объект распространения собственной идеальной политической модели. Она стала постепенно возвращаться к традиционным для поствестфальского мира подходам: защите суверенитета и влияния прежде всего в собственном регионе. Так продолжало видеть мир и большинство других государств, не входивших в сферу влияния Запада, в том числе, и сохранивших коммунистические режимы. Китай и Вьетнам, например, также отказались как от традиционного сталинского коммунизма во внутренней политике, так и от коммунистического мессианства в подходе к внешнему миру.

Расширившийся же лагерь Запада воспринял крах СССР как победу собственной идеологии, которая лишь укрепила идеологические основы внешней политики. И во внутренней, и во внешней политике Запад все более стал превращаться в *международную идеократическую систему*, в которой идеология практически полностью подмяла под себя реализм и способность оценивать проблемы с прагматической точки зрения. Согласно новой западной внешнеполитической идеологии, все сферы вли-

яния ушли в прошлое и не признаются, за исключением сферы влияния самого Запада. Она распространяется на весь мир, так как, с точки зрения самого Запада, является не сферой влияния, а объектом распространения передовой модели общественного устройства, которую естественным образом должны желать принять народы всех стран мира. Поэтому вмешательство в их дела, в локальные конфликты на их территории или между ними на стороне, отстаивающей эту модель, является не только легитимным, но и необходимым. Досадными исключениями здесь стали некоторые крупные страны, особенно обладающие ядерным оружием (Россия, Китай, в какой-то степени другие государства БРИКС), демократизировать которые немедленно оказалось невозможным, но которые все равно необходимо хотя бы лишить права иметь собственные интересы во внешнем мире (так как они идут против «прогресса», то есть распространения единственно верной модели). Воспользовавшись своим превосходящим влиянием в международных организациях, США и их союзники попытались перестроить в интересах этой модели всю систему международного права, выдвинув концепции «гуманитарной интервенции», «ответственности по защите», «глобального управления», и интерпретируя в их духе понятия «международного сообщества», «универсальных ценностей» и т.п. По сути, сама идея глобального управления была направлена на утверждение доминирования Запада в мире. Другие страны, в особенности, наиболее крупные из них, сначала вяло, а потом более активно начали выступать за реформирование этой системы с целью приобретения большей роли и влияния. В этом суть деятельности их крупнейшего объединения – БРИКС.

В результате большинство международных конфликтов в мире получили новый характер. Причина их обострения, а иногда и возникновения – не вмешательство примерно равных центров силы с целью поддержки противоборствующих сторон, но столкновение двух иных, но не менее антагонистических факторов: идеократии Запада и традиционного подхода к государственности и международному устройству. В Югос-

лавии, Ираке, Ливии, Сирии и на Украине Запад имеет дело с совершенно непонятным ему, устаревшим с его точки зрения мировоззрением. Согласно западным идеологам, жители всех государств мира должны естественным образом стремиться к «правильной» социально-политической модели, потому что она соответствует коренным чаяниям человека – «свободе», «демократии», «благополучию». Если утверждение этой модели в каком-то государстве сталкивается с трудностями, это означает, что «народ» там не имеет власти: тиран, диктатор или враждебная «демократии» внешняя сила навязывает им ему неестественные взгляды. Любой внутренний и международный конфликт рассматривается как борьба прозападных демократических сил прогресса и антидемократического регресса: какая-то фракция, группа или государство назначается на роль прогрессивных, другие – на роль регрессивных, и прогрессивным оказывается всевозможная помощь, вплоть до военной. Прогрессивная сторона пропагандируется всей мощью западных СМИ, другая сторона демонизируется.

Этот подход неплохо работал в 90-е годы XX века в Восточной Европе, когда США и их союзники имели дело с близкими по культуре народами, которые, к тому же помня о недавнем советском господстве, рассматривали подключение к системе западных союзов и объединений как гарантию защиты от новых воображаемых угроз с Востока. Несмотря на некоторые культурно-ценностные разногласия с отдельными странами, не полностью разделявшими все «европейские ценности» (Греция, Болгария, Венгрия, Польша), расширение НАТО и ЕС на Восточную Европу первоначально прошло более или менее гладко. Однако дальше Запад встретился с гораздо более серьезными проблемами.

В Восточной Европе «прогрессивные» прозападные силы быстро свергли вялые коммунистические режимы, державшиеся только на репрессиях и советской поддержке. Но, что гораздо более важно, пришедшее к власти «гражданское общество» установило новую систему, более или менее отвечающую западной идеологической

модели. Некоторые трудности, связанные с коррупцией, влиянием традиционных религиозных ценностей и т.п., рассматривались как дело временное, связанное с неопытностью. Но уже свержение коммунистического режима в большинстве государств бывшего СССР выявили проблему – политическая система этих государств не соответствовала ожиданиям. Непонятна была и судьба Турции. Но особенно остро эта проблема дала о себе знать в арабских странах: вместо демократии в результате войн и «цветных революций» на смену правившим авторитарным режимам в Ираке, Ливии и Сирии вместо демократии пришли хаос и гражданские войны.

Объективная причина этого – явное противоречие между западной идеологией и реальностью. Большинство государств мира населено народами разных культурных традиций, они по-разному представляют себе оптимальную социально-политическую модель, по-разному решают конфликты. И почти нигде, за исключением США и Европы, эти представления, часто опирающиеся на различные глубоко укоренившиеся системы религиозных и мировоззренческих ценностей, не совпадают с американскими и европейскими¹. Не по-западному видят мир и их лидеры. Они традиционно считают абсолютным свое право на суверенитет и не согласны менять свою политику по требованию из Вашингтона или Брюсселя. Частично это действительно обусловлено их стремлением сохранить власть, частично – лучшим пониманием своего народа и ситуации в стране. Например, М. Каддафи, один из наиболее жестоких и циничных диктаторов Ближнего Востока, с большим трудом объединивший Ливию и жестоко подавлявший исламский радикализм, предупреждал, что в случае его свержения Ливия станет базой терроризма, а

в Европу устремятся тысячи беженцев². Он пошел на значительные уступки Западу ради экономического сотрудничества и ожидал, что тот будет действовать прагматически, в своих интересах. Но он недооценил идеологизированности политики Запада, в результате был убит, но относительно будущего своей страны оказался прав. То же самое произошло в Ираке и Сирии.

Идеологизированный подход Запада крайне примитивен. Даже коммунистическая идеология предполагала, что идеальное общественное устройство в каждой конкретной стране должно возникнуть на определенном этапе исторического развития, когда она достигнет определенного уровня развития производительных сил. Конечно, в ряде конкретных случаев, советская помощь и власть местных «прогрессивных» прокоммунистических сил рассматривались как ускоряющий фактор. Но все же в отсталых странах коммунизм рекомендовалось строить не сразу, а после переходного периода, в течение которого разрешались некоторые буржуазные послабления: частная собственность, некоторые элементы политического плюрализма и т.п. Идея о том, что народы всех стран уже сегодня готовы принять ценности «демократизма» в полном объеме, в том числе и их моральные аспекты, отвергаемые абсолютным большинством религий мира, гораздо более наивна и взрывоопасна.

Нельзя сказать, что в западном научном сообществе опасность навязывания западной модели другим обществам не обсуждалась. Одной из причин появления концепции «политической культуры» в 60-е годы XX века стал анализ ее авторами, Г. Алмондом и С. Вербой, того факта, что политические институты, навязанные европейскими колонизаторами народам колоний, после приобретения независимости приобретают совершенно другие функции и наполняются иным содержанием, чем те, что были задуманы европейцами. Не отказываясь от идеи превосходства западной социально-политической модели, они, вполне в марк-

¹ Подробнее см.: Лукин А. В. Столкновение ценностей в современном мире и перспективы евразийской интеграции // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 6. – С. 102-113. [Lukin A. V. Stolknovenie cennostej v sovremennom mire i perspektivy evrazijskoj integracii (The clash of values in the modern world, and the prospects of Eurasian integration) // Polis. Politicheskie issledovanija, 2014, № 6, pp. 102-113].

² Flanagan, Padraic. Colonel Gaddafi: Immigrants Will Invade Europe // *Express*, March 8, 2011. Mode of access: <http://www.express.co.uk/news/world/233238/Colonel-Gaddafi-Immigrants-will-invade-Europe>.

систском стиле, создали схему поэтапного к ней движения от наиболее отсталой, «приходской» культуры (сам термин в какой-то степени говорил об «отсталости» религиозных структур) до передовой, «гражданской», характерной для современного Запада. Но в то же время они говорили и о неприемлемости передовых институтов для отсталой политической культуры³. Однако эти и подобные предостережения не оказали влияния на политическую идеологию и практическую политику.

Эта идеология доминирует и будет и впредь доминировать на Западе, и он в обозримом будущем не сможет проводить иную политику. Это объясняется тем, что идеологизированность западной внешней политики является лишь частью всеобъемлющей западной идеократической системы, основанной на длительном развитии глубинных социально-экономических процессов.

ИДЕОЛОГИЯ

Хотя исследования концепции идеологии не входят в мейнстрим западной мысли, проблема идеологизации общества конца XIX – первой половины XX века довольно хорошо изучена в рамках нескольких интеллектуальных традиций. Еще со времен С.Кьеркегора, К. Маркса и Ф. Ницше был поставлен вопрос о превращении представлений и теорий, которые ранее рассматривались как объективные, в некую систему клише и стереотипов, которые выполняют в обществе определенную функцию, связанную с личностью и интересами тех, кто их формулирует. Если С. Кьеркегор выступил против религиозного догматизма, то Ф. Ницше критиковал всю культурную систему в целом. К. Маркс, первым назвавший эти функциональные системы представлений «идеологией» (до него этот термин имел другое значение), рассматривал их как всю систему господствующей культуры, выполняющую функции оправдания привиле-

гированного положения господствующих классов⁴.

Так возник подход, который П. Рикер позднее назвал «школой подозрения»⁵: подозрения в том, что мысли и их системы бывают не тем, за что себя выдают, а именно не плодом индивидуальной работы, а использованием готовых клише, с помощью которых они обманывают окружающих, да и самих их авторов в отношении своей истинной сущности. В действительности же за этими клише стоит не что иное, как интересы социальных групп (у марксистов) или психологические особенности личности (у З. Фрейда или В. Парето).

В дальнейшем эту тему продолжали многие философы марксистской традиции (хотя и не только они). Это и понятно, так как официальные науки, в особенности зародившаяся в США политология, будучи частью официальной идеологии, продолжали рассматривать «научные» (прежде всего, западные) представления о мире как объективные и единственно верные. В результате в отношении идеологии западного общества XX века, несмотря на все различия деталей подходов различных авторов, было сформулировано несколько важных положений.

1. Положение об идеологии как системе представлений, норм и принципов, действующих как механизм сохранения и воспроизводства данной общественной системы и, следовательно, отражающей интересы тех, кто в таком сохранении заинтересован. Эта линия идет от самого К. Маркса, говорившего о фетишизации отношений, то есть о восприятии общественных отношений как предметов. Она была развита поздними марксистами, в частности Г. Лукачем в концепции идеологии как «ложного сознания», «приписанного классового сознания», основанного на «овеществлении» общественных отношений. Постулировалось, что за «ложным сознанием» скрывается нечто истинное,

³ Gabriel, Almond; Verba, Sidney. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1963. Pp. 3-5.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология* / Собр. соч., изд. 2, т. 3. – М.: Политиздат, 1955. – С.25. [Marks K., Jengel's F. *Nemeckaja ideologija (German ideology)* / *Sobr. soch.*, Ed. 2, Vol. 3. – Moscow: Politizdat, 1955. P.25].

⁵ Ricoeur, Paul. *Freud and Philosophy*. – New Haven: Yale University Press, 1970. P. 32.

адекватно отражающее реальность. Это было характерно для марксизма, смело применяющего критический подход к любой идеологии, кроме своей собственной, что получило яркое выражение в теории пролетарской идеологии как объективной науке, сформулированной В.И. Лениным. Немарксистские теории идеологии, подтверждая ее всеобщий, господствующий и навязываемый характер, уходят от этой проблемы, склоняясь к релятивизму (К. Маннгейм, Т. Парсонс).

2. Идея о том, что идеология исполняет важнейшую функцию интеграции индивидов в общество, давая им ориентиры и создавая понятную картину мира. Еще К.Маркс отмечал, что «в буржуазном обществе различные функции взаимно предполагают друг друга», а «антагонизмы в области материального производства делают необходимой надстройку из идеологических сословий, деятельность которых, – хороша ли она или дурна, – хороша потому, что необходима»⁶. Согласно Л. Альтюссеру, категория субъекта «является конституирующей для всякой идеологии постольку, поскольку всякая идеология имеет функцию (которая определяет ее сущность) «конституирования» конкретных индивидов в субъекты»⁷. Утверждая, что каждая идеология строится вокруг некоего центра – Субъекта (это может быть Бог, нация, государство, класс и т.п.), и вводя понятие «интерпелляции» - принятия субъектом роли, навязываемой идеологией, Л. Альтюссер отмечает, что «индивид подвергается интерпелляции как (свободный) субъект для того, чтобы он свободно следовал заповедям Субъекта, т.е. для того чтобы он (свободно) принимал свое подчинение»⁸.

3. Важнейшее положение о том, что хотя идеология существовала во все времена, в индустриальном (капиталистическом) обществе ее интегрирующая и, соответ-

ственно, закрепляющая роль существенно повысилась, что связано с существенными изменениями самого характера этого общества. Г. Лукач, например, обращал внимание на то, что при капитализме труд принципиально меняется, он абстрагируется от своего конкретного содержания, приобретает характер товара и становится жестко рациональным и четко калькулируемым. Труд отчуждается от личности работника и противопоставляется ей как чуждая объективная сила. Старые формы производства побеждаются новыми, возникает сплошная капитализация всего общества (торговый капитал, роль денег как сокровища или как денежного капитала и т.д.). «Товарный характер товара, абстрактно-количественная форма калькулируемости проявляются здесь в своей полной чистоте: эта форма, таким образом, становится для овеществленного сознания формой проявления его подлинной непосредственности, за пределы которой оно, будучи овеществленным сознанием, и не помышляет выходить. Напротив, оно стремится закрепить ее и увековечить путем «научного углубления» в схватываемые здесь закономерности. Подобно тому, как экономически капиталистическая система беспрестанно производит и воспроизводит себя на все более высокой ступени, точно так же в ходе развития капитализма структура овеществления погружается в сознание людей все более глубоко, судьбоносно и конститутивно», – пишет Г. Лукач⁹.

Тончайший аналитик сознания М.К. Мамардашвили выделял схожие предпосылки возникновения современных идеологий: 1) появление «идеологических социальных структур» или «массового общества» (значительного слоя населения с относительно высоким уровнем жизни, живущих за счет творческого и высокотехнологичного труда других, что сделало возможным массовое размножение труда в

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала») / Собр. соч., изд. 2, т. 26. – М.: Политиздат, 1955. – С.281. [Marks K., Jengel's F. Teorii pribavocnoy stoimosti (IV tom «Kapitala») (Theories of added value / Capital. Vol. IV) / Sobr. soch., izd. 2, Vol. 26. – Moscow: Politizdat, 1955. P. 281].

⁷ Luis Althusser. Lenin and Philosophy and Other Essays. – London: New Left Books, 1971. P. 160.

⁸ Ibid. P.169.

⁹ Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. – М.: Логос-Альтера, 2003. – С. 189. [Lukach G. Istorija i klassovoe soznanie. Issledovanija po marksistskoj dialektike (History and class consciousness. Research on Marxists' dialectics). – Moscow: Logos-Al'tera, 2003. P. 189].

виде продуктов); 2) массовость духовного производства, безличный характер интеллектуального труда за счет его специализации и индустриализации. Это делает возможным и необходимым намеренную фабрикацию сознания, «чтобы охватывать головы людей так, чтобы в действиях этих людей воспроизводились, реализовывались те или иные социальные проекты и задачи», в результате чего «через одинаковость их мышления достигается какая-то одинаковость их поведения»¹⁰.

Особая роль в этом процессе принадлежит появляющимся в XX веке средствам массовой коммуникации, что позволяет в условиях решенности основных задач просвещения (ликвидации неграмотности, демократизации культуры) любому человеку выступать в качестве производителя или потребителя продуктов духовного производства¹¹. Идеология в этом новом обществе дает массовому потребителю жизненные ориентиры и делает его жизнь в обществе осмысленной и значимой, тем самым заставляя его добровольно оправдывать и воспроизводить существующую общественную структуру.

Интересно, что впитавший и переработавший марксизм, но не являвшийся его сторонником М.К. Мамардашвили относит полную реализацию этой модели к эксцессам западного развития – германскому фашизму и советскому коммунизму, но не к самому мейнстриму западного общества, которое, как он считал, восприняло подобный анализ как предостережение и преодолело последствия. Это связано с характерной для него общей линией: переносом анализа феномена мышления как продукта индивидуального постоянного творческого усилия на социальное развитие. Сточки зрения М.К. Мамардашвили, создание и функционирование институтов «сложного» демократического общества, основанного на разделении вла-

стей и верховенстве закона, также требует такого усилия. В этом смысле, так же как мыслящий человек только и является человеком, такое общество (то есть, западное) только и является обществом, все остальные общности простые, в них реального развития, реальной общественной жизни «не случилось» (конечно, примеры М.К. Мамардашвили приводит прежде всего из российской и советской действительности). В этом отношении он идет вполне в стиле классической западной мысли, многие представители которой (Ш. Монтескье, Г. Гегель, Дж.С. Милль, в России – П.Я Чаадаев и др.) считали, что истинное развитие и свобода характерны только для Европы, а другие части света, прежде всего, Азия, – царство застоя, рабства, скудости мысли.

Используя разделяемый М.К. Мамардашвили подход «подозрения», в его идеализации западного общества можно увидеть и влияние Гегеля, считавшего прусскую монархию близкой к идеальному государству, и поставленный «с головы на ноги» советский марксизм, почитавший идеальным государством СССР. Кроме того, нелюбовь к СССР М.К. Мамардашвили была вызвана личным опытом и «грузинским» взглядом на советскую действительность, заострявшим собственную отстраненность от СССР как империи «русских».

Конечно, до конца «холодной войны», когда М.К. Мамардашвили читал свои лекции, западное общество было еще гораздо более «нормальным», чем советское. Но все же попытка идеализации такого переходящего явления, как социальное устройство конкретного общества в конкретный период, выведение его превосходства из общих философских закономерностей со временем стали казаться устаревшими и даже курьезными.

Ход исторического развития показал, что хотя первоначально тоталитарные советская и нацистская системы действительно были наиболее радикальными примерами господства идеологии, т.н. «демократические» государства также, хотя и в несколько более мягком и скрытом виде, пошли по пути идеологизации. В них также сложилась идеократическая система.

¹⁰ Мамардашвили М.К. Очерк современной европейской философии. – М.: Азбука, 2014. – С. 63. [Mamardashvili M.K. Oчерk sovremennoj evropejskoj filosofii (Analytical review of modern European philosophy). – Moscow: Azbuka, 2014. P. 63].

¹¹ Ibid. P. 63.

ИДЕОКРАТИЯ

Общественную систему, основанную на идеологии, обычно называют идеократией. Авторы одного из немногих монографических исследований идеократии Я. Пекалкевич и А. Пенн пишут: «Легитимность идеократической политической системы вытекает из принципов монистической идеологии. Предполагается, что те, кто принимают решения в этой системе, используют строго определенную систему критериев, которая позволяет им абсолютно верно интерпретировать события. Поэтому их решения безошибочны. От других типов политических систем идеократию отличает тот факт, что она выводит легитимность своих конкретных программ действия *исключительно* из положений самой идеологии. В отличие от нее в других системах политическое действие оправдывается отсылкой не только к конкретной идеологии, но и к стандартам, источниками которых являются иные своды правил, например, нормы, регулирующие политическое поведение, научные исследования, художественное творчество – нормы, вытекающие из сферы человеческого поведения»¹².

При этом идеологию они определяют, как «интегрированный набор, теорий, утверждений и целей, составляющих общую программу организации общественной жизни. Она состоит из взгляда на прошлое, настоящее и будущее, на котором основана программа политического действия»¹³. Отличие монистической идеологии состоит в том, что «реальность может быть интерпретирована на основе универсально верного и исчерпывающего набора идей. В то время как другие идеологии являются частичными по своему интерпретационному охвату, монистическая идеология претендует на то, чтобы быть всеобъемлющей и абсолютной. Она подразумевает объяснение всех аспектов реальности. В связи с этим, она отвергает любое разделение различных областей человеческого поведения, включая разделение политической, социальной, экономической,

этической и эстетической сфер человеческой деятельности. Поэтому политическая система рассматривается как включающая в себя все сферы человеческого общества. Монизм также отрицает необходимость условных допущений, связанных со сложностью, но вместо этого утверждает абсолютное знание реальности, которое не принимает во внимание более непосредственное чувство неопределенности»¹⁴.

Соглашаясь с тем, что наиболее изученным видом идеократии являются тоталитарные режимы XX века (нацистской Германии и сталинского СССР), авторы выделяют и второй ее «идеальный тип»: популистскую идеократию. Такая идеократия «основана на ее добровольном принятии, обусловленном высоким уровнем поддержки широко распространенной монистической идеологии»¹⁵. Ее примерами Я. Пекалкевич и А. Пенн считают некоторые небольшие замкнутые политические образования, в частности, кальвинистскую Женеву и Содружество Массачусетс. Таким образом, если в тоталитарной идеократии основную роль играет насильственное навязывание идеологических постулатов, то в популистской – их добровольное (или кажущееся добровольным) принятие большинством.

Я. Пекалкевич и А. Пенн признают, что все общества, в том числе и демократические, не чужды каких-то форм идеологии. Однако демократия отличается от идеократии идеологическим плюрализмом, который противопоставляется идеологическому монизму. В качестве примера они приводят США, в политической системе которых имеется «набор широко распространенных убеждений, который способствует избирательной интерпретации истории, современной реальности и принципов, на которых основана система. В американском случае эта система убеждений включает в себя такие концепции, как правление, осуществляемое народом, управление по закону, неотъемлемые права человека, триумф демократии и т.д.»¹⁶ Но отличие американской плюралистической системы от монизма идеократии состоит в том, что «кон-

¹² Piekalkiewicz, Jaroslaw; Penn, Alfred Wayne. Politics of Ideocracy. – Albany: State University of New York Press, 1995. Pp. 26-27.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid. P.27.

¹⁵ Ibid. P.28-29.

¹⁶ Ibid.

фликтами по поводу значений этих убеждений и их применения полна американская история»¹⁷, в то время как при монизме такие дискуссии невозможны.

Если сравнивать американскую или современные европейские политические системы со сталинской или гитлеровской, то американские теоретики, безусловно сходятся в том, что первые гораздо более плюралистичны. Но плюрализм здесь – вопрос степени. Нельзя сказать, что в тоталитарных обществах не велись никакие дискуссии относительно истории или политической системы. Дискуссии были, и даже очень острые, но их область была крайне узка, а рамки и формы дозволенного серьезно ограничены. Однако и в современном западном обществе рамки дозволенного, хотя и гораздо более широки, не только существуют, но и постоянно сужаются.

Сами Я. Пекалкевич и А. Пенн указывают на эти рамки, говоря о том, что в американском обществе может вестись дискуссия по некоторому набору убеждений, однако набор этот ограничен и избирателен. Дискуссия же по другим убеждениям вряд ли возможна. Да и пример оправдания политического действия в неидеологических системах не идеологией, а сводами правил, нормами, научными исследованиями, художественным творчеством и т.п. также малоубедителен, так все это в современном мире в большой степени также относится к идеологии.

Яркие свидетельства тому – появление идеи «политической корректности» и распространение в самое последнее время в университетах и других учреждениях различных «кодов языкового общения». По мнению некоторых наблюдателей, подобные коды порождают новое явление: «карательную оборонительность» и создают культуру, «в которой каждый должен дважды подумать, перед тем, как говорить, чтобы не быть обвиненным в бесчувственности, агрессии или даже в чем-то худшем»¹⁸. Такая культура хорошо знакома всем, кто жил в СССР.

Абсолютная свобода слова в западном обществе – не более чем идеологическое клише. В США или Европе вполне можно обсуждать вопрос о том, какая демократия лучше и как ее достигнуть, но не о том, нужна ли демократия вообще. Можно говорить о лучших способах борьбы за равенство женщин и мужчин, белых и черных, но не о том, равны ли они по природным способностям. Пока еще можно обсуждать, разумны ли гомосексуальные браки, но уже нельзя считать гомосексуализм болезнью или даже отклонением. Конечно, за неправильные мнения вас не посадят в лагерь или не будут пытаться в Гестапо, но с большой долей вероятности уволят с престижной должности, подвергнут остракизму в прессе и отлучат от приличного общества. А за некоторые мнения уже вполне могут и подвергнуть административному или уголовному преследованию: например, за отрицание Холокоста, а в некоторых странах – и геноцида армян, за непризнание гомосексуализма нормой, за распространение нежелательной информации.

Кроме сужающихся рамок дозволенного, налицо и движение господствующей идеологии в сторону монизма. Взять хотя бы теорию естественных, неотъемлемых прав личности и выросшей из нее концепции общечеловеческих ценностей. Еще век-полтора назад это была всего лишь одна из теорий; основатель утилитаризма И. Бэнтам называл естественные права «обычной чепухой», а естественные и неотъемлемые права – «риторической чепухой» или «чепухой на ходулях»¹⁹. Сегодня же «права человека» – предмет веры, центр господствующей идеологии, в котором нельзя сомневаться. Такими же предметами веры стали понятия «демократия», «рыночная экономика», «глобализация», «гуманитарная интервенция» и т.п. По существу, господствующая идеология превращается в светскую религию, со своими святыми понятиями, которые являются объектами по-

¹⁷ Ibid. P.25-26.

¹⁸ Lukianoff, Greg; Haidt, Jonathan. The Coding of the American Mind / The Atlantic, September 2015. Mode of access: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2015/09/the-coddling-of-the-american-mind/399356/>.

¹⁹ An Examination of the Declaration of the Rights of the Man and the Citizen Decreed by the Constituent Assembly in France / The Works of Jeremy Bentham, Now First Collected: Under the Superintendence of His Executor, John Bowring. – Edinburgh, 1839. P. 501.

клонения, фетишами (на этот раз в прямом, а не марксистском смысле). Причем эта новая религия выходит за рамки национальных государств, становится идеологией всего западного мира и, точно также, как и советский марксизм, пытается выдать себя за научную и универсальную.

В полном соответствии с определением монизма Я. Пекалкевича и А. Пенна расширяется сфера охвата западной идеологии: она уже затрагивает не только политику, но и регламентирует семейные отношения, отношения между сослуживцами и коллегами, определяет формы воспитания и образования детей и т.п. Различные стороны жизни общества и научного знания сливаются в ней в единое целое: под нужды идеологии подстраивается медицина (доказывая, что гомосексуализм и многие психические расстройства – более не отклонения, а норма), антропология (отрицая наличие человеческих рас) и другие науки. Происходит стирание грани между научным знанием и идеологическим постулатом: и за тем, и за другим стоит не объективное, научное исследование, но интересы лоббистских групп. Идет всемирное потепление, или нет, полезен алкоголь или вреден, хороши ли ГМО, эффективны ли те или иные лекарства или вредны определяется в рекламной борьбе производителей той или иной продукции и их конкурентов, а также представляющих их интересы политиков и СМИ, которые спонсируют соответствующие исследования.

Конечно, западное общество значительно уступает тоталитарным и даже авторитарным режимам по уровню репрессий. Но это еще не означает, что его идеология не является монистической. Ее повсеместное господство обеспечивается значительно более высоким уровнем убежденности субъектов, принятием ее постулатов обществом (такая убежденность в СССР, например, особенно в последний период его существования практически отсутствовала). Таким образом, жесткие репрессии не только не применяются в соответствии с идеологическими постулатами, но они становятся объективно ненужными. Такая система вполне соответствует модели популистской идеократии.

«ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО» И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Движение западной идеологии в сторону монизма основано на значительных изменениях в уровне развития технологий и эволюции общественной структуры в конце XX – начале XXI веков. Во-первых, рыночная экономика в сочетании с повышением производительности труда создавала все больше возможностей для безбедного и не требующего чрезмерных усилий существования значительной части населения.

Слой «масс», рост влияния которого заметил в конце XIX - первой половине XX веков Г. Лебон, Х. Ортега-и-Гассет и другие теоретики «восстания масс», значительно увеличился, чему не в малой степени способствовало создание т.н. «государства всеобщего благоденствия». При этом развитие рыночной экономики привело к зависимости элит, руководящих производством, от растущих масс, заигрыванию с ними, потаканию их интересам и вкусам.

Это привело, в частности, к снижению уровня образования, которое, согласно новой идеологии, должно стать доступным, простым, нравиться тем, кто его получает и не заставлять их особо напрягаться. Тот же процесс привел к фактическому уничтожению высокого классического стиля в искусстве, который более не востребован и не может быть продан. Культурный низ соединился с культурным верхом, всегда существовавшая скоморошеская похабщина, ранее предназначавшаяся для развлечения необразованной части населения, захватила оперные театры и выставочные залы, а примитивные псевдофилософские рассуждения распространяются вместе с любовными романами и детективами. Эта тенденция выражается и в эстетике – например, в концепции перформанса – яркого и бессмысленного действия, которое, в отличие от статичных картин, может заинтересовать обывателя. Кумирами мира массовой культуры становятся не те, кто добивается совершенства в своем искусстве долгим обучением и упорным трудом, но женщины, т.н. «модели», прославившиеся лишь внешнем видом и красивой походкой, певцы без голоса, музыканты-любители, ни-

где не обучавшиеся, но выступающие с примитивной и хорошо понятными большинству музыкой и словами.

На передний план выходят те, кто способен привлечь внимание примитивным эпатажем, выдавая за объекты искусства разбитые унитазы, инсталляции из использованных банок из-под кока-колы. Музыка становится примитивной, для того чтобы стать более понятной, громкой и ритмичной. Объективные критерии художественности пропадают так же, как и критерии качества того или иного товара, верности того или иного положения, правдивости той или иной новости. И так как художником, актером, писателем и музыкантом теперь может быть любой, кто именно станет знаменит определяется интересами культурно-развлекательного бизнеса и связанных с ними СМИ.

Идеи необходимости для искусства быть понятным, «актуальным», борьба с «элитизмом» становится частью официальной идеологии, рассматривающей продукты искусства как «товар», продающийся на «рынке». Основанное на независимом самовыражении творчество полностью заменяется на изготовление «культурного продукта» для потребностей массового рынка. Сюда же можно отнести индустрию спортивных зрелищ, также превратившуюся в составную часть государственной идеологии. В пожелании успехов группе, с которой связана твоя жизнь (городу, спортивному клубу, школе, вузу, стране и т.п.) в принципе нет ничего ненормального, однако гипертрофированная гордость за успехи коллектива, а не за свои собственные, полная самоидентификация с ним себя с ним играет такую же иллюзорно-компенсационную роль, как и участие в социальных сетях. Вместо индивидуальной работы, личного усилия, человек радуется за работу других и тем самым создает иллюзию собственного усилия и причастности к большому делу.

Кроме того, участие в группах спортивных и прочих фанатов (какие бывают, например, у эстрадных певцов, актеров и прочих популярных личностей) создает чувство общности на основе примитивных общих символов, что организует массу и тем

самым становится полезно для содержания и самовоспроизводства существующего порядка. Та же функция у ставших возможными только в эпоху Интернета флэш-мобов – объединение, пусть и в бессмысленном, но коллективном действии, создающим чувство общности и сопричастности, ранее незнакомых друг с другом, разбросанных по комнатам и кабинетам огромного метрополиса «нетизенов»²⁰, и при этом развлекающее и даже провоцирующее публику.

Во-вторых, дальнейшее развитие т.н. «демократии», то есть участия все большего количества населения в идеологически разрешенной церемонии влияния на власть путем выборов, изменило сам характер политики. Современная демократия имеет мало общего с изначальной практикой и теоретическими представлениями о ней. Начиная с Аристотеля и до середины XIX века, демократия трактовалась как непосредственное правление народа, причем под народом понимались наиболее ответственные его представители – свободные взрослые граждане, обладающие личной свободой и собственностью. Этому способствовало существование различных цензов. При этом даже такая демократия большинством теоретиков считалась опасным строем, который мог привести к диктатуре большинства. Нынешнюю же систему участия народа в политической жизни через представителей Аристотель называл олигархией.

В современном мире олигархия стала неизбежной в связи с общим ростом населения, а также из-за постоянного расширения состава избирателей за счет подключения ранее не участвовавших слоев и ликвидации цензов. Видя угрозу диктатуры этого растущего большинства, отцы-основатели США (Дж. Мэдисон, А. Гамильтон, Дж. Джей) разработали систему «сдержек и противовесов» и разделения властей (они еще не употребляли термин «демократия» в позитивном смысле, а говорили о «республике»). И хотя эта система в конституции США формально сохраняется и сегодня, в области идеологии и на практике явно победила линия Т. Джеф-

²⁰ «Netizen» – человек, живущий в Сети. От англ. «net» (сеть) и «citizen» (гражданин). Иногда переводится, как «сетянин».

ферсона, настаивавшего на неотъемлемом праве большинства править по своей воле.

Это привело к росту взаимной зависимости политиков и избирателей. Политики все более зависели от непосредственных нужд избирателей. Был выработан новый тип политика-популиста, больше всего заботящегося не о решении реальных проблем, а о собственном рейтинге, политике без стратегического мышления, постоянно откладывающего непопулярные, но необходимые решения.

К измелчанию политических лидеров и их зависимости от бизнеса ведет и маркизация избирательного процесса, отношение к кандидатам как к товару, предлагаемому на рынке на выбор потребителю. Эта система далека от идеала демократии и не случайно недавно в докладе ученых Принстонского университета, по сути, была признана олигархией (конкретно речь шла о США²¹). Сравните нынешних бесцветных руководителей Англии, США, Франции с Ш. де Голлем, У. Черчиллем, Ф. Рузвельтом, и это сразу станет понятным. Массы же избирателей, в свою очередь, предпочитают слабых политиков, которые им вполне понятны и не сильно выделяются на общем уровне.

При этом выбор избирателям обычно предоставляется небольшой. То, что в рамках официальной идеологии называется консенсусом, в действительности – результат строгих ограничений. Ранее характеризовавшиеся различными программами партии сблизилась до полной неузнаваемости. Чем отличается политика лейбористов при Т. Блэре от политики консерваторов, а социал-демократов от христианских демократов в Германии (несколько раз входивших в одно правительство), сказать непросто. При этом часто ни одна из избираемых партий не отражает позиции избирателей по многим вопросам. Например, по всем опросам в Великобритании большинство населения «евроскептически», но евроскептические партии из-за хитростей избирательной системы держат за пределами политическо-

го мейнстрима. То же самое происходит в Германии, где большинство населения не настроено антироссийски, но все партии занимают антироссийскую позицию. В США формально в выборах президента постоянно участвует 4–5 кандидатов, но никто об этом даже не знает, так как телеканалы показывают дебаты только тех, кто выдвинут приемлемыми партиями.

Наконец, огромную роль сыграло развитие новых информационных технологий. Официальная идеология создала теорию прогрессивного «информационного общества», не знающего границ международного сообщества, хорошо информированных, инициативных и ответственных граждан, принимающих разумные решения²². Однако предоставляя полезную справочную информацию тем, кто в ней нуждается, для большинства населения Интернет играет совершенно иную роль.

В современной реальной экономике и политике люди еще более отчуждены от продукции и от власти. Работая в крупных компаниях, в которых заняты тысячи людей, они часто не представляют ни конечного смысла, ни результатов своей деятельности, получая довольно много за роль винтика огромной машины. Таковы двигатели современной глобализированной экономики: менеджеры «самого среднего звена», сидящие с 9-ти до 6-ти в многочисленных офисах по всему миру и от души отдыхающие в выходные (кто видел дикие пьяные толпы этих белых воротничков, заполняющие пятничными вечерами улицы Лондона, Нью-Йорка, Гонконга, Токио и любого другого крупного города мира, знает, о чем идет речь).

Казалось бы, такая судьба хоть и безбедна, но незавидна с точки зрения самооценки. Участие же в социальных сетях, где человек имеет несколько сотен «друзей», часто в других городах и странах, которых он никогда не видел (и которые могут быть совсем не теми, за кого себя выдают), постоянный обмен с ними «лайками» и порой

²¹ Gilens, Martin; Page, Benjamin, *Testing Theories of American Politics: Elites, Interest Groups, and Average Citizens // Perspectives on Politics*, September 2014, Vol. 12, No. 3, pp. 564-581.

²² László Z. Karvalics. *Information Society – What is it Exactly? (The Meaning, History and Conceptual Framework of an Expression)*. – Budapest, March-May 2007. Mode of access: http://www.ittk.hu/netis/doc/ISCB_eng/02_ZKL_final.pdf.

бессмысленными «комментами», наконец, возможность «опубликовать» любое собственное «произведение» и мнение, – все это создает иллюзию значительности и сопричастности какому-то важному процессу, иллюзию нужности и важности для мира и людей. Если раньше твое произведение не прошло бы творческого отбора в редакции журнала или книжном издательстве, тебя за бесталанность не взяли бы на режиссерский факультет, то сегодня ты сам автор, издатель и режиссер; тебя читают, и ты получаешь отклики, пусть даже и от небольшого числа «друзей».

Интересно в этом плане изменение отношения к дневникам. Если раньше дневниковые записи и личные письма считались интимными, прочтение дневника другим лицом – делом постыдным, то сегодня основная часть текстов в Интернете по сути и есть личные дневники, да еще и сопровождаемые фотографиями и видеозаписями, в которых рассказывается, кто что ел, с кем спал, что купил и т.п. Причина этому – психологическая необходимость почувствовать свое значение в мире, в котором реально ты ничего не значишь. При этом, естественно, в Интернете, который служит еще и напрямую для развлечения, далеко и широко распространяются стереотипы и клише, цементирующие новую массу. Таким образом, социальные сети выполняют неоченимую для идеократии адаптивную и пропагандистскую роль, по существу являясь частью господствующей идеологии. Конечно, в Интернете можно найти и иное содержание, в том числе и призывы к свержению всего, чего угодно, но оно не является основным.

С развитием Интернета связана новая тенденция в общественной эволюции. Еще в конце 90-х годов XX века С. Московичи заметил начало нового процесса, который он удачно назвал «глобализацией масс», то есть возникновения «массы мирового масштаба». Он заключается в создании наднациональных сообществ «с гигантскими ядрами городов и рынками в миллионы человек, которых побуждают жить и потреблять однотипным образом», и в расцвете электронных и телевизионных сетей, которые, «с одной стороны, связывают между собой людей,

находящихся на огромных расстояниях друг от друга, а с другой стороны, проникают в самые недра частной жизни каждого». Французский социолог предсказывал, что «бурное развитие систем мультимедиа до предела ускорит этот процесс»²³.

Таким образом, важнейший момент новой системы – ее *выход за рамки национальных границ*, реальная идеологическая глобализация, которая следует за экономической и благодаря которой сегодня можно говорить о сложившейся идеократии в рамках всего «западного» мира. Позитивная теория глобализации – такая же часть новой идеологии, как и теория «информационного общества». В действительности за идеологической глобализацией можно видеть самые различные интересы: и интересы международных корпораций, нуждающихся в однородной, говорящей на одном языке и разделяющей общие представления рабочей силе, и интересы растущего международного чиновничества, и, наконец, искренние порывы идеологизированных субъектов, действительно считающих, что их правительства бомбят соседние и далекие государства из благородных намерений, чтобы сделать мир лучше.

В этом новом сообществе идеократического плюрализма (в отличие от идеократического тоталитаризма) крайне трудно определить, кто собственно является виновником, а кто – жертвой, кто – выгодополучателем (у марксистов – эксплуататором), а кто – проигравшим (эксплуатируемым). Уже в тоталитарном обществе встает вопрос поиска конкретного виновного в преступлениях. На Нюрнбергском процессе, например, сложно было определить, кто собственно отдавал тот или иной приказ, и в какой форме, а кто его исполнял, так как преступления приняли индустриальный характер, основанный на

²³ Московичи С. Предисловие к русскому изданию / Век толп. Исторический трактат по психологии масс. – М.: Центр психологии и психотерапии. 1998. – С. 20. [Moskovichi S. Predislovie k russkomu izdaniju (Introduction to the Russian Edition / Vek tolp. Istoricheskij traktat po psihologii mass (The Age of masses; Historical tractate on mass psychology). – Moscow: Centr psihologii i psihoterapii. 1998. P. 20].

разделении труда, и степень участия каждого была юридически не вполне определенной. В результате, пришлось объявить преступными цели организации.

Но в строго централизованной государственной тоталитарной системе хотя бы есть «главный идеолог», который со своими сотрудниками изобретает формы и методы индоктринации. Есть и «главный палач», которому подчинены все более мелкие палачи и которые разрабатывают стратегию репрессий. А кто определяет стратегию индоктринации в плюралистической идеократии? Кто является ее объектом? К выгодополучателям, вероятно, надо отнести высшие классы общества, т.н. «элиту». Но она не имеет четких границ, к тому же и ее представитель может субъективно не понимать объективных последствий своих действий, истинно считая их полезными для общества и гуманными, в то время как они приносят бедствия и страдания. И в этом смысле он также будет жертвой идеократии. С другой стороны, и представитель низших слоев, искренне считающий существующую систему идеальной или, по крайней мере, лучшей из возможных, и работающий для ее реформации с целью укрепления, также может считаться столпом идеократического режима.

Проблема этого общества, как и всякой идеократии и монополии вообще, – тенденция к застою. Успешно распространив власть идеологии на все общество, власти сами стали ее жертвой. Пребывая в иллюзорном мире, они часто не способны объективно анализировать возникающие проблемы и эффективно их решать.

Основные постулаты идеологии «демократизма» просты. 1) Западное политическое устройство является наиболее передовым, обеспечивающим наивысший уровень свободы и благосостояния всем членам общества; 2) Это устройство («демократия») обеспечивается широким участием всего народа во власти путем избрания власти на честных выборах, что является неотъемлемым правом каждого; 3) Государство обеспечивает права не только большинства, но и различных меньшинств (конкретных список меньшинств постоянно расширяется); 4) Все страны мира рано или поздно придут к этой системе, и За-

пад должен им в этом помочь; 5) Различные деструктивные, антидемократические силы мешают этому естественному процессу, и Запад должен вести с ними борьбу ради счастья порабощенных ими народов.

В эту идеологию никак не вписываются некоторые реальные проблемы Запада: сохраняющаяся бедность и социальное расслоение, миграция, снижение уровня образования, рост национализма и т.п. Более того, как отмечал еще А.А.Зиновьев, если само существование такого серьезного вызова как СССР способствовало тому, что западные элиты шли на некоторые уступки в смысле расширения социальных программ, то после его распада необходимость в этом отпала. Поэтому именно в 90-е годы произошло сближение «левых» партий с правыми, которые вместе стали выполнять единую программу в интересах правящей элиты. А.А.Зиновьев говорил: «Страны Запада познали настоящую демократию во время холодной войны. Политические партии имели подлинные идеологические различия и разные политические программы. Органы прессы тоже сильно отличались друг от друга. Все это оказывало влияние на жизнь простых людей, способствовало росту их благосостояния. Теперь этому пришел конец. Демократичный и процветающий капитализм с социально ориентированным законодательством и гарантиями занятости был во многом обязан существующему страху перед коммунизмом. После падения коммунизма в странах Восточной Европы на Западе началась массированная атака на социальные права граждан»²⁴.

Современная западная система, несмотря на свою внешнюю устойчивость, стала терять популярность в связи с неспособностью решать реальные проблемы. Это вызвало нынешний рост популярности политиче-

²⁴ Зиновьев А.А. Запад против России. Взгляд философа. Интервью газете Фигаро 24 июля 1999 г. Русский перевод. «Независимая газета», 14.08.2014. http://www.ng.ru/ideas/2014-08-14/4_zinoviev.html. [Zinov'ev A.A. Zapad protiv Rossii. Vzgljad filosofa. Interv'ju gazete Figaro / Nezavisimaja gazeta, August 14, 2014. Mode of access: http://www.ng.ru/ideas/2014-08-14/4_zinoviev.html].

ских сил, представляющих крайние фланги: правых, призывающих решать проблему миграции и выступающих за сохранение традиционной морали, и левых, недовольных растущим неравенством. Пока не ясно, устоит ли центр против этого растущего недовольства.

НОРМАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ

В отличие от Запада, после конца холодной войны с удвоенной скоростью двигавшегося в сторону идеократии, Россия, наоборот, из тоталитарной идеократии превращалась в обычное, нормальное государство. Термин «обычное» здесь означает, что таких неидеократических государств, не старающихся навязывать свою модель другим, не считающих ее общественным идеалом и венцом социальной эволюции, а просто решающих насущные, практические проблемы – большинство в мире. В них существуют различные режимы: чаще всего авторитарные различной степени жесткости, но есть и демократические (например, Индия или Япония).

Термин «нормальное» определить труднее. Общее определение нормальности вряд ли возможно, ее легче показать примерах от противоположного. В социальной жизни ненормальность – это стремление строить общественные отношения на основе выдуманных человеком идеологических догм, вступая в противоречие с законами природы, исторически сложившимися и показавшими свою полезность общественными привычками и свойствами человеческой психологии. Например, если на данной широте и почве тысячу лет возделывали пшеницу, а идеология требует сажать там кукурузу, то это ненормально. Если сотни лет крестьяне наиболее эффективно работали в собственных хозяйствах, а идеология требует согнать всех в коммуны, все обобществить и оплачивать работу «трудоднями», несмотря на гибель миллионов людей от голода, это не нормально и даже абсурдно. Если природа создала мужчин и женщин разными и механизмом размножения сделала их сексуальную связь между собой, а идеология требует считать их одинаковыми, объявляет нормальным

принадлежность к другим несуществующим полам, и пропагандирует сексуальную связь лиц одного пола – это ненормально. Точно также ненормальны системы, основанные на терроре и убийстве невинных людей, ведь людям любой культуры не свойственно бессмысленно убивать ближних. Точно также ненормально, когда идеология требует не лечить и облегчать страдание тяжело больных и разочаровавшихся в жизни, в том числе и детей, а убивать их, считая выбор смерти «правом человека». Ведь помогать больным, страдающим, раненым, а не добивать их считается нормальным в рамках всех человеческих культур. Ненормально и общество, где по идеологическим причинам опасных сумасшедших держат не в соответствующих закрытых заведениях, а отпускают на волю и считают «альтернативно интеллектуально развитыми». Речь здесь идет не о каких-то высоких религиозных принципах, а о простой природной, биологической и психологической нормальности, нарушение которой характерно лишь для извращенных тоталитарных и идеократических систем. Характерный признак ненормального общества – постоянный страх не за действия, а за «неправильные» слова и мысли, которые, будучи открытыми для государственных соглядатаев доминирующей идеологии, вторгающейся в самые сокровенные стороны человеческой жизни, могут вызвать самые опасные последствия.

Исходя из этих принципов, и советское общество, и современное западное, безусловно, являются ненормальными. Россия же, отказавшись от монистической идеологии, сегодня мало чем отличается от десятков других стран, где традиционные структуры и представления сосуществуют с более современными, а руководство, точно не имея идеологического общественного идеала, просто старается, как может, решать возникающие проблемы. Конечно, и в России, как и во всех странах, имеются идеологические элементы, элементы явной ненормальности. Так, идеологическими были реформы Е.Т. Гайдара, направленные на реализацию в стране абстрактной экономической модели вместо решения реальных проблем, которые привели к экономи-

ческому краху 1998 г. В последнее время, в особенности после присоединения Крыма и бешеной атаки Запада на Россию, идеологические элементы в российском обществе нарастают. Ненормально уничтожение пищевых продуктов или запрет на усыновление сирот иностранцами, который обрекает детей на жалкое существование.

Но эти элементы еще крайне любительские и несистематические по сравнению с СССР и современным Западом. Несмотря на очевидность идеологии российской телевидения, например, его невозможно сравнить с такими пропагандистскими машинами Запада, как CNN или BBC, где альтернативные точки зрения (выходящие за рамки идеологического консенсуса) жестко не допускаются. В этом, кстати, причина большой популярности в Европе и США канала «Russia Today», дающего хоть и не менее идеологизированную, но альтернативную точку зрения, которую с интересом воспринимают правые и левые критики существующих порядков.

Исторически Россия всегда была частью Большого Запада, но частью периферийной. На сегодня можно сказать, что в этом есть и позитивная, и негативная сторона. Ее население глубоко не усвоило черты западной цивилизации, сделавшие возможными ее скатывание к идеократии. Западная идеология, основанная на слиянии секуляризма, просвещенческой теории поступательного общественного развития и идеи врожденности и неотъемлемости «естественных прав», разделяется лишь небольшой частью российского общества²⁵. Большинство же россиян, как показывают многочисленные опросы, живут в другом мире: политические права их особенно не волнуют, а набирающие популярность различные религиозные конфессии все больше критикуют секулярный релятивизм и пропагандируют мораль, основанную на абсолютных ценностях.

Не усвоены в России и те институты западной общественной структуры, которые и

сегодня позволяют ей обеспечивать наибольший уровень личной и политической свободы граждан: верховенство права, система разделения властей, независимость суда и т.п. Недостаточно развиты и современные экономические механизмы.

Возможно ли заимствование этих позитивных сторон западной цивилизации без скатывания к идеократии (то есть, оставаясь страной нормальной, стать достаточно свободной) пока неясно. Но уже очевидно, что ситуация с соотношением уровней свободы меняется. Если говорить не только о политической свободе, которой обычно ограничивается интерес западных идеологов, то движение к меньшей личной свободе в семье, личных отношениях и т.п. на Западе очевидно. В России есть безусловный дефицит политической свободы, но в других отношениях общество в ней гораздо свободнее западного. Если заострить этот аргумент и задаться вопросом, где будет комфортнее жить человеку традиционных взглядов: в обществе большей политической свободы, но разгула того, что он считает полной безнравственностью, или там, где можно меньше участвовать в управлении государством, но тебя не заставляют регистрировать «нетрадиционные браки», наблюдать из окна парады гомосексуалистов и не отбирают детей из семьи за «неправильное» воспитание? Вероятно, при определенных условиях выбор может быть и в пользу меньшей свободы.

В любом случае, чтобы идти по этому пути, необходимо, не скатываясь к западной идеократии, решительнее уходить от собственного идеократического и тоталитарного прошлого, порывая со сталинизмом как во внутренней, так и во внешней политике. Не боясь осуждения собственного прошлого, необходимо подчеркивать принципиально иной характер России по сравнению с СССР, а если и утверждать преемственность, то не с тоталитарным СССР, а с гораздо более правовой и эффективной царской Россией (в особенности в последний период ее существования).

Примеров успешного сочетания нормальности, сравнительно высокого уровня свободы и ускоренного развития в мире пока немного. К ним, вероятно, можно отнести

²⁵ Подробный анализ этой идеологии см.: Смирнов И.В. Либерастия. Режим доступа: <http://supol.narod.ru/archive/books/liberast.htm> [Smirnov I.V. Liberastija. Mode of access: <http://supol.narod.ru/archive/books/liberast.htm>].

такие разные страны, как Индию, Сингапур, в какой-то степени Южную Корею.

Стратегия России в сложившейся ситуации должна заключаться в попытке переждать опасные метаморфозы Запада. А метаморфозы эти неизбежны. Вызванная идеологической монополией неспособность решать реальные социальные проблемы ведет к серьезному недовольству. Проблема миграции, например, может решаться на основе правой альтернативы, усиление которой приведет к принципиальному изменению господствующей саморазрушительной идеологии в сторону большей закрытости, замкнутости. Эти изменения будут сопровождаться распадом нынешних интеграционных структур. Все это серьезно изменит характер западного общества и цивилизации.

Если же победит левая альтернатива, выступающая за еще большую открытость на классовой, а не национальной основе, западное общество скорее всего исчезнет или изменится еще более радикально. В перспективе возможна исламизация Европы или, по меньшей мере, существенные идеологические компромиссы с исламом, который не потерпит нынешние моральные нововведения (США будут изменяться под влиянием растущего количества мигрантов

из Латинской Америки, которые также принесут иные ценности). В конце концов, наплыв чужестранцев разрушил другой интернациональный западный проект – Римскую империю. Кстати, до этого в Риме полностью сменилась господствующая государственная идеология: христианство пришло на смену язычеству. В какой мере империя после осталась этого той же, а в какой – другой, сказать не просто.

Впрочем, и крайне левые и крайне правые действуют в рамках существующей идеологической парадигмы и вряд ли могут конструктивно решать реальные проблемы общества.

Конечно, пока еще полностью не исключен вариант поглощения России западной идеократией. В ней есть часть населения, уже живущая в этой парадигме, однако его доля невелика, вероятно, 10–20%. Поэтому, такой вариант маловероятен: Запад находится на этапе цивилизационной обороны, а не наступления. Популярность альтернатив, например китайской и радикальной исламской, растет. Возможно, России в смутные годы будет суждено сохранить и какие-то элементы западной цивилизации, как, например, периферийная Ирландия сохранила христианство в «темные времена» раннего средневековья.

Новая международная идеократия и Россия

Александр Владимирович Лукин, д. ист. н., PhD (Оксфордский университет), руководитель департамента международных отношений НИУ «Высшая школа экономики», директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО МИД России

***Аннотация:** В настоящей статье автор предлагает не только анализ роли идеологии в современном мире, проводя в подтверждение своих тезисов и исторические параллели, но и доказывает существование мощной идеологии «демократизма» Запада, которая стала превращаться в международную идеократическую систему, оказывая мощное влияние на все сферы человеческой жизни. Опираясь на подходы известных политологов и социологов, автор предлагает критический анализ современной западной идеократии, ее связи с веком информации и глобализации, развитием современной культуры. Особое внимание в статье также уделяется концепции «нормального государственного строя» и месту России в этих условиях.*

***Ключевые слова:** идеократия, демократизация, Запад, нормальное государство, глобализация, идеология, культура.*

New International Ideocracy and Russia

Alexander Vladimirovich Lukin, Dr. of History, PhD (Oxford University), Head of the International Relations Department (The National Research University Higher School of Economics), Director of Center for East Asia/SCO Research (MGIMO University)

***Abstract:** The author of the article analyzes the role of ideology in the modern world, underpinning his theses by historical examples, as well as posits the existence of the powerful Western ideology of “democracy”, which is transforming into international ideocratic system influencing all facets of human life. Taking into consideration the theoretical approaches of prominent political scientists and sociologists, the author analyzes critically analyzes modern Western ideocracy and its interdependence with the age of information, globalization and postmodern cultural development. The article emphasizes the concept of normal state” and studies the role of Russia in these processes.*

***Ключевые слова:** ideocracy, democratization, the West, normal state, globalization, ideology, culture.*